

RU

Реальность и религия с позиции социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана

Лисовская А. В.

Аннотация. Целью статьи является раскрытие особенности религии как одного из устойчивых оснований формирования социальной реальности, что проявляется в утверждении общих критериев для социальной идентификации индивида в условиях постоянной изменчивости социальных норм. Научная новизна исследования отражается в раскрытии социального конструктивизма сквозь призму выявления особенностей религии в социальной реальности в условиях трансформации ценностей и проблематике идентичности индивида. Полученные результаты показали, что религия является устойчивым социальным институтом, способным обеспечить преемственность нравственных ценностей и культурных традиций в условиях изменяющейся социальной реальности. Обнаружение факта устойчивости отдельных социальных институтов позволяет в новом качестве актуализировать проблему ускорения социальной динамики в XXI веке.

EN

Reality and Religion from the Perspective of P. Berger's and T. Luckmann's Social Constructivism

Lisovskaya A. V.

Abstract. The article aims to shed light on specific nature of religion as one of stable foundations for social reality formation, which is manifested in adoption of common criteria for an individual's social identification in response to constant variability of social norms. Scientific novelty of the study lies in providing an insight into social constructivism through the lens of identifying specific features of religion in social reality with values undergoing transformation and in the range of problems related to an individual's identity. The results have shown that religion is a stable social institution that can ensure continuity of moral values and cultural traditions in the changing social reality. The fact that certain social institutions are stable makes it possible to actualise in a new capacity the issue of accelerating social dynamics in the XXI century.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремлением найти эффективные методологические подходы к раскрытию значения религии в современных социокультурных условиях. Для этого были определены следующие задачи: 1) провести рецепцию оснований социального конструктивизма с раскрытием актуальности понятия социальной реальности в современном контексте; 2) раскрыть особенности религии как устойчивого основания в процессе самоидентификации индивида в условиях изменения социальных норм и исторической традиции; 3) показать перспективы социально-феноменологического подхода при рассмотрении значения религии в условиях XXI века.

Методами исследования являются социально-философский анализ с использованием феноменологического подхода к социальным явлениям. Так как исследование проходит в рамках социальной философии, то неизбежно обращение к структурно-функциональному рассмотрению и системному подходу.

Социальная феноменология, восходящая к трудам А. Шюца [17], и теория социального конструктивизма П. Бергера [14] и Т. Лукмана [16] представляют теоретическую базу исследования. В свою очередь социально-феноменологический подход дополняется отечественными научными работами в области социологии и философии, среди которых отметим Х. Кноблауха [15], Е. Д. Осипову [10], Е. А. Островскую [11] и Е. Д. Руткевич [12].

Практическая значимость характеризуется расширением и дополнением актуальной проблематики, рассмотрением социальных отношений в современных условиях, когда обнаруживается процесс трансформации понимания ценностей и роли социальных норм.

Социальная реальность в теории П. Бергера и Т. Лукмана

Основой социальной теории П. Бергера и Т. Лукмана являются исследования А. Шюца, которые были направлены на актуализацию феноменологии Э. Гуссерля в социальном контексте. А. Шюца называют создателем социальной феноменологии и последующей теории социального конструктивизма. Рассмотрение социальных практик в призме философии Э. Гуссерля, особенно его представлений об институциональном характере сознательной деятельности и конструирования предметов мышления в процессе их восприятия, стало причиной определения социальных явлений как итога конструирования. Далее данная позиция развилась в более широком контексте и стала применяться ко всему многообразию социальных явлений в их взаимосвязях, что и выступает предпосылкой появления понятия социальной реальности как продукта конструирования индивидуального сознания. При этом вопрос о том, каким образом конструирование происходит относительно многообразия практик «конструирования» со стороны конкретного сознания и множественности подобных сознаний, остается открытым и дискуссионным. Проблематика выражается в том, какие именно механизмы образуют устойчивую аналогию в конструировании социальных явлений и в чем заключается индивидуальная роль каждого субъекта социальной реальности. В свою очередь, для создателя феноменологии данный вопрос не был актуальным, потому что: во-первых, Э. Гуссерль не задается вопросом, что такое сознание и может ли оно отличаться от мышления; во-вторых, немецкий ученый не был ориентирован на рассмотрение социальных отношений, принимая их как вторичную проблему по отношению к раскрытию механизмов познания (то есть приоритетом выделяется теория познания и эпистемологическая проблематика). О данном моменте имплицитно упоминает Т. Лукман, составляя и дописывая последний незаконченный труд своего учителя – А. Шюца, воспринявшего феноменологию непосредственно у Э. Гуссерля [17].

Социальная реальность и социальное пространство – нетождественные понятия, так как реальность конструируется, а пространство наполняется конструктами. Особенность социального конструктивизма на момент 1960-1980-х годов заключается в том, что социальное пространство имеет аналогию с физическим пространством (или «естественной реальностью»), и во многом эти понятия совпадают до неразличимости. Вследствие расширения концепции информационного общества и популяризации теории общества риска социальное пространство приобретает свойства искусственного пространства, хотя о виртуализации начинают писать только в самом конце XX века [1]. В итоге границы между понятиями окончательно элиминировались, и в настоящее время снова появляются научные работы, поднимающие проблематику их демаркации, на подобии дискуссий вокруг социального реализма (например, критические труды А. Рила) [5].

Тем не менее, социальная реальность с позиции П. Бергера и Т. Лукмана конструируется посредством деятельности человека и социальных институтов (образование, семья, наука, система права, религия). Процессы конструирования многоуровневые, как и сама реальность, но выделяется два ключевых метода – институализация и легитимация. Уровни социальной реальности описаны в совместной работе «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания», где выделены два ключевых уровня (повседневность и уровень социальных надиндивидуальных отношений) и один глубинный базис, формируемый как индивидом, так и всем историко-культурным контекстом существования общества, то есть множественностью индивидуальных действий в исторической перспективе [4]. В свою очередь реальность имеет два аспекта: объективный и субъективный, а переход между ними определяется механизмом интернализации.

Особенности самоидентификации индивида и религия

Процесс самоидентификации начинается с момента осознания своей включенности в предметный мир окружающих явлений. Именно предметный, поскольку осознаются не столько сами явления, сколько предметы и их функциональное значение. Подобные моменты отображаются П. Бергером в понятии «накопление адресов», то есть человек по мере взросления знает, что, кому и куда отправлять или делать. Можно провести аналогию с теорией коммуникации, но для австро-американского социолога данное действие («коммуникационное действие») представлено скорее как одна из форм более сложной организации «накопления адресов» [3, с. 67]. Коммуникации не представляют непосредственный предмет рассмотрения в социальном конструктивизме, хотя изыскания П. Бергера и его коллеги Т. Лукмана дополняют теорию коммуникации. Отправной точкой для раскрытия процесса самоидентификации является критика социологической позиции «здорового смысла», которая представлена лишь поверхностным анализом социальных явлений, без выявления их значений и тем более причин.

Идентификация происходит в момент взросления человека и процесса социализации, и как справедливо отмечает Л. М. Дробужева, «первичной социализации в детстве при этом придается большое значение» [6, с. 22]. Социальный контроль и социальная стратификация довлеют над индивидуальным самоопределением, и поэтому идентификация человека происходит раньше, чем самоидентификация. Причисление себя к определенной общности людей, социальной группе и т.д. начинается с усвоения предметных структур и их функциональности – на данном этапе процесс конструирования неявный, поверхностный, то есть человек избирательно подходит к определению функций предметов и возможности их совместного использования (процесс «накопления адресов»). Обогащая свой инструментарий конструирования в аспекте субъективного отношения к социальной реальности, человек обращается к ее объективированию, чему активно способствуют социальные институты, а точнее формы социального контроля и стратификации.

Если идентификация индивида обусловлена механизмами институализации, то самоидентификация связана с легитимацией. Из-за расширения конструируемой реальности человек сталкивается с необходимостью нахождения закономерностей и ключевых принципов для структурирования многообразия реальности. Как и Т. Лукман, П. Бергер скептически воспринимает рациональность логики поведения индивидов в социальном пространстве вследствие потребности нахождения компромисса между механизмами влияния социальных институтов на человека и его стремлением к самоопределению, то есть конструированию только для него эффективных способов решения какой-либо задачи [13; 16]. Отсюда процесс легитимации исключительно индивидуален, так как каждый находит свои закономерности и устойчивые принципы для формирования поведенческой модели, что справедливо в первую очередь по отношению к поведению других людей. Легитимация обусловлена началом процесса самоидентификации человека по отношению к многообразию явлений социальной реальности. Однако вследствие нерациональности данного процесса человек идентифицирует не себя самого, а тот социальный образ, который наиболее эффективно мог бы действовать в заданных условиях или, иначе, в согласованности с выявленными принципами и закономерностями. Как видим, обнаруживается противоречие, которое возникает из-за совмещения институализации и легитимации, то есть человек утрачивает осознание конструируемости социальной реальности.

Противоречие преодолевается с позиции социального конструктивизма посредством осознания социальной реальности как «двух-компонентной» и многоуровневой структуры. П. Бергер, определяя функции социологии как науки, обозначает, что «социология способна помочь индивиду несколько гуманизировать свое видение социальной реальности» [3, с. 141] и минимизировать предубеждения релятивистского отношения к социальным нормам, которые устраняют категорию этичности из социальных отношений. Релятивизм в убеждениях австрийский социолог называет «дурной верой», что задано действующими социальными нормами без осознания их постоянной изменчивости, так как «то, что считается нормой и зрелостью в одной культуре, расценивается как патология и отставание от нормального развития в другой» [Там же, с. 144]. Данная позиция определяет и непосредственный контекст формирования социальных норм в настоящем, и их историческую ретроспективу. В свою очередь предубеждения социологом определяются как «дурная вера» в незыблемости социальной «нормальности» и «обыденности» определенных норм, которые в действительности являются лишь продуктом конкретной сложившейся общественной ситуации, основанной на господстве одного способа восприятия социальности над другим. Однако не все социальные нормы обладают изменчивостью. Более того, некоторые из них обнаруживают свою устойчивость даже к самой обстоятельной научной критике. Как итог социология должна показать человеку возможность разграничивать основания общественных отношений и изменчивые социальные нормы и предубеждения.

В отличие от социальной феноменологии А. Шюца и французского социологизма, П. Бергер и Т. Лукман сконцентрировали внимание на практической стороне вопроса о возможности преодоления противоречивости «человек – общество», или субъективного начала конструирования реальности и механизмов институционального контроля. Здесь уместно привести весьма точное определение общества с позиции социального конструктивизма, данное в статье Е. Д. Осиповой: общество – «это продукт человеческой деятельности, представляющий собой совокупный запас знания, накапливаемого в процессе взаимодействия и реализуемого в виде социальных институтов, имеющих принудительную силу» [10, с. 71]. Преодоление противоречий начинается с процесса осознания социальной реальности как продукта конструирования. С позиции не теории, а практики действия наиболее эффективный путь лежит через осознание механизмов действия институционального конструирования реальности, то есть знание значения и инструментов социальных институтов позволяет более продуктивно использовать институциональное конструирование.

Для П. Бергера было очевидным, что религия является одним из наиболее фундаментальных социальных институтов, оказывающих влияние на конструкты реальности и, более того, на сам процесс конструирования через призму социальных ценностей [14, р. 32-54]. Последние формируются из-за фундирования посредством повторения определенных эффективных конструктов социальной реальности в историко-культурном контексте и становятся доминантной линией для индивидуального заполнения социального пространства некими конструктами. Влияние М. Вебера в исследованиях П. Бергера проявляется в попытке объяснить религию в призме протестантской этики, однако заметно и оппонирование Ф. Шлейермахеру в определении религии как совокупности особого опыта, получаемого в результате сакрализации знания [12, с. 120]. Впрочем, в отличие от большинства социальных институтов, религия влияет не только на уровень повседневных практик, но и на более глубокий уровень – на то, что находится вне субъектно-объектных отношений. В своей совместной работе П. Бергер и Т. Лукман не выявляют дефиниции данного уровня, описывая его как «сакрализацию» социального или основание символических универсумов. Тем не менее, у Т. Лукмана имеются отдельные работы по раскрытию уровня сакрализации социальной реальности, а П. Бергер посвятил свои новейшие статьи процессу выявления доминант конструирования вне институционального происхождения [2].

Наиболее отчетливо данный уровень раскрывается через легитимацию в процессе интернализации, то есть, придавая значения институтам, человек осознает наличие вне субъектно-объектных отношений, которые присущие человеку «вне истории» и вне социальных ценностей. Легитимация «объясняет» и «оправдывает» институциональный порядок, «придавая нормативный характер его практическим императивам» [4, с. 153]. Тем не менее, осмысление значения или рефлексия смыслов утрачиваются в процессе «описания и оправдания» того, что является частью конструированной реальности [Там же, с. 155]. Как итог формируется либо подчинительная модель поведения, принимающая все социальные нормы как неизбежную данность без осознания их изменчивости, либо

непринятие господствующих ценностей вместе с основаниями значения общества как реальности. Здесь обнаруживаются два следствия: 1) реальность конструируется для возможности в ней существовать – если человек от нее отказывается, то отказывается и от существования по тем нормам и принципам, в конструировании которых сам и участвовал; 2) если социальные нормы изменяются, а индивид не выявил их причины и процесс интернализации нарушается, то наступает кризисная ситуация с потерей самоидентификации. Добавим, что при рассмотрении социального конструктивизма может быть упущена значимая особенность рассуждений П. Бергера и Т. Лукмана – реальность конструируется не потому, что человек способен к данному процессу, а из-за необходимости существовать в особой реальности, отличной от мира животного, природного и естественного. Например, П. Бергер иллюстрирует подобную необходимость потребностью к совместному проживанию в нормативной среде, то есть там, где есть законы и высшие ценности, отличные от производных потребностей (ценности противоположны потребностям, именно поэтому они высшие, то есть вне биологической составляющей жизни человека) [14]. Т. Лукман вовсе обращается к раскрытию потребности человека к постоянному выявлению сакрального, тайного и неизвестного с позиции феноменологического подхода, а не на основе классического социального анализа [16]. Т. Лукман в большей степени использует феноменологический подход Э. Гуссерля [9], чем социальные методы, построенные на его основании, о чем сам указал в интервью в марте 2002 года после прочтения курса лекций в Европейском Университете в Санкт-Петербурге [7, с. 5].

Религия как социальный институт позволяет удовлетворить потребность в стремлении к самоидентификации и сакрализации знания, а также способствует легитимации институциональных отношений. Социальный институт религии, как и права, позволяет осознать значение институциональных отношений из самой конструируемой реальности. Устойчивость же института религии выражается в особенности религии – осознавая значение религии, человек обращается к внесоциальной составляющей, восходящей над субъектно-объектной линейной схемой восприятия общества. Изменения социальных институтов из-за трансформации социальных норм, что отчетливо прослеживается в институте семьи, не может относиться к институту религии, сопряченному процессу конструирования самой реальности посредством историко-культурного фундирования, в которой он и обнаруживает себя. Вместе с тем начинается процесс приобщения к значению «сакрального» и «священного», которые находятся на более глубинном уровне конструирования реальности, чем институализация и легитимация (в первую очередь нормативная легитимация) [4, с. 265-289].

Критика и перспективы социального конструктивизма

Социальный конструктивизм в конце XX века подвергается критике из-за попытки представить реальность как итог конструирования. Основной аргумент выражается в редукционизме объективной действительности к субъективной конструкции, где сам субъект не выявляется. Однако аргументы с позиции «здорового смысла» или наивного реализма не могут быть применимы к теориям, раскрывающим предельные основания или основополагающие принципы социальных отношений в онтогносеологической призме исследования. Использование феноменологии как методологической базы стало причиной появления критики со стороны социологов, в то же время в философии рассуждения П. Бергера выглядят как попытка использовать методы идеализма в применении к реализму и прагматизму, что является эклектикой или, в лучшем случае, отсутствием проработки системности исследования. Данные замечания имеют место быть, так как сложность структуры П. Бергера требует использования противоположных по своему направлению теорий: от понимающей социологии и социологизма к структурному функционализму и социальной феноменологии А. Шюца. В то же время предметом критики становится ориентированность исследований П. Бергера и Т. Лукмана на раскрытие значения религии в призме конструирования реальности, что предполагает отправную точку в историко-культурном контексте (религия является результатом конструирования, но ее источник, в отличие от других социальных явлений, не идентифицируется). Однако с появлением теории виртуализации социальной реальности вновь стали актуальными положения социального конструктивизма, сформированные еще в 1960-1980-х годах. Согласимся, что «благодаря теории Бергера и Лукмана удалось разрешить сразу две насущные социологические задачи: во-первых, устранялась давняя проблема «оторванности» теоретических знаний от реального мира, из-за которой социология часто критиковалась, так как теперь в центре внимания оказывалась самая «практическая» сторона реальности – повседневность. Во-вторых, авторами был предложен синтез идей европейских и американских социологов, прежде всего феноменологической концепции общества, разработанной немецким мыслителем А. Шюцем, и теории социальных институтов американского социолога Т. Парсонса» [10, с. 70-71].

Разносторонность и комплексность феноменологического подхода позволили П. Бергеру не разрывать способы рассмотрения религии как унифицированной институализированной формы и религиозной практики. Он показал взаимосвязь религии с миром повседневного опыта вне зависимости от конфессиональных вопросов, поскольку в каждой культуре приобретаются различные особенности восприятия религиозного опыта, но их механизмы для индивида представлены в аналогии процесса легитимации субъект-объектных отношений [15]. В свою очередь Т. Лукман показал, что сакральное, священное и религиозное являются больше, чем частью религиозного мировоззрения, так как непосредственно укоренены не только в историко-культурном контексте, но и в самом способе конструирования реальности, а также в самом индивиде из-за наличия соответствующей потребности к сакрализации знания. Актуальность взглядов П. Бергера для социологии религии показала в своей статье М. Лёвхейм, акцентировав внимание на преемственность позиции

«священного занавеса» и функций религии как социального института у С. Хьярварда [8, с. 79]. В едином поле интенции находится позиция Е. И. Гришаевой и В. А. Шумковой, где труды П. Бергера и Т. Лукмана рассматриваются как истоки современного применения термина медиации и теории коммуникации к вопросам религии [5, с. 14]. Кроме того, в их исследованиях указывается на третий уровень конструирования социальной реальности, что еще остается недостаточно раскрытой областью в теории социального конструктивизма. Отметим, что направление социологии религии – одна из перспективнейших отраслей социального знания, где исследуют вопросы религии и ее влияния на общество в целом и социальные отношения в частности. Данное направление приобретает популярность и в России, что обуславливает актуальность социального конструктивизма для российских научных дискуссий. Е. А. Островская справедливо замечает: «...в дне сегодняшнем российская социология религии заявляет о себе многообразием школ, направлений и тематик» [11, с. 4].

В своих последних статьях П. Бергер анализирует процесс трансформации культуры вследствие увеличивающейся динамики смены общественных норм. Примечательна коллективная научная работа «Многоликая глобализация», подготовленная П. Бергером совместно с С. Хантингтоном [2]. Внимания заслуживает попытка экстраполяции конструирования реальности на транснациональный уровень, где элиминируется критика в ориентированности исключительно на протестантскую форму религии, что было свойственно для П. Бергера и отчасти для Т. Лукмана из-за детального обращения к идеализированной структуре «протестантской этики» М. Вебера. Действительно, подобные моменты отчетливы в ранних работах ученого, но преодолеваются в процессе совершенствования методологической базы и расширения контекста рассматриваемых социологических проблем. Как итог можно заключить, что социально-философские идеи П. Бергера и Т. Лукмана имеют, во-первых, междисциплинарный потенциал, а во-вторых, применимы к анализу всех форм проявления религиозности и к процессу социальной адаптации в условиях инвариантной культурно-исторической детерминированности.

Заключение

Использование понятия социальной реальной реальности в настоящее время подчеркивает онтологический статус социальных процессов, а также объясняет трансформации нравственных и социальных ценностей в их взаимоотношении. Определяя социальное как реальность, а не в качестве устойчивой структуры, можно выделить изменчивость отношений и применять онтологические категории для решения сложнейших вопросов социологии с позиции философии. Вместе с тем социальная реальность более тесно интегрирована с концепцией виртуализации общества и появлением цифрового пространства, что проводит линию демаркации между реальностью социальных взаимодействий и искусственной цифровой средой, где моделируются социальные отношения.

Сложность построений социального конструктивизма обусловлена попыткой раскрыть все социальные явления в их комплексе, не элиминируя область практики повседневности. В данном ракурсе рассматривается и религия, но в двух аспектах одновременно: и как социальный институт, и как унифицированная форма религиозных практик, влияющих на социальную жизнь индивида в его данности через процесс легитимации и институализации. В итоге в новом ракурсе актуализируется значение социального института религии и объясняется его резистентность к трансформациям, которые происходят, например, в институте семьи или права.

В завершении отметим, что перспективой применения концепции социального конструктивизма является выявление изменения восприятия института религии в условиях трансформации социальных ценностей (идеалы и ценности социальной жизни). Раскрытие религии в призме многоуровневой структуры социальной реальности позволяет расширить область применения социально-философского анализа сложнейших проблем современности, в частности происходит апробация феноменологического подхода, который показал свою эффективность в смежных областях гуманитарного знания.

Источники | References

1. Аникин Д. А. Религиозное сообщество в современном культурном пространстве: трансформация идентичности и мемориальных практик // Философия и культура. 2020. № 3. С. 36-77.
2. Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 7-24.
3. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996. 168 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Асадемия-Центр, 1995. 336 с.
5. Гришаева Е. И., Шумкова В. А. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 2 (38). С. 7-40.
6. Дробижеева Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 19-28.
7. Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4 (5). С. 5-14.
8. Лёвхейм М. Медиатизация религии: критическая оценка // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 2 (38). С. 76-97.

9. Лукман Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» // Социологическое обозрение. 2014. № 1 (13). С. 139-154.
10. Осипова Е. Д. Трансформация социальных практик: концепция П. Бергера и Т. Лукмана в условиях кризисного общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2015. № 2 (15). С. 69-79.
11. Островская Е. А. Российская социология религии: религия общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2 (144). С. 1-31.
12. Руткевич Е. Д. Питер Бергер - полвека творческого пути // Социологические исследования. 2011. № 1 (321). С. 114-123.
13. Berger P. Reflections on the sociology of religion today // Sociology of Religion. 2001. Vol. 62 (4). P. 443-454.
14. Berger P. The Heretical Imperative: Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. N. Y.: Anchor Press, 1979. 220 p.
15. Knoblauch H. Die Verflüchtigung der Religion ins Religiöse: Thomas Luckmanns Unsichtbare Religion // Luckmann T. Die unsichtbare Religion. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. S. 7-41.
16. Luckmann T. The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society. N. Y.: Macmillan, 1967. 128 p.
17. Schutz A., Luckmann T. The Structures of the Life-world: in 2 vol. Evanston: Northwestern University Press, 1973. Vol. 1. 335 p.

Информация об авторах | Author information

Лисовская Алиса Вячеславовна¹

¹ Саратовский национальный государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Lisovskaya Alisa Vyacheslavovna¹

¹ Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

¹ lisovskav_spb@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): социальная феноменология; социальный конструктивизм; религия; П. Бергер; social phenomenology; social constructivism; religion; P. Berger.